

УДК 811.512.111'282

**СЛОВА-ОБРАЩЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ
В ГОВОРАХ ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ***

**ADDRESSES TO ANIMALS IN DIALECTS
OF THE CHUVASH DIASPORA IN THE ULYANOVSK REGION**

Т. В. Денисова, Л. П. Сергеев

T. V. Denisova, L. P. Sergeev

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье подробно рассмотрены императивные междометия, выражающие волеизъявления, обращенные к домашним животным, в говорах чувашской диаспоры Ульяновской области, собранные в полевых условиях в чувашских населенных пунктах Цильнинского, Ульяновского, Мелекесского, Сенгилеевского, Старокулаткинского, Барышского районов указанной области. Раскрыта специфика, выявлены основные фонетические варианты слов-обращений к животным, установлена связь слов подзыва и отгона животных с названиями реалий. Также доказано, что однотипность, параллелизм в структуре, особенности функционирования в языке и многочисленные случаи буквальных и приблизительных совпадений позволяют говорить о принадлежности слов-обращений к животным к тем пластам лексики, которые современные тюркские языки унаследовали от праязыка.

Abstract. The article discussed in detail the imperative interjections in addresses to domestic animals in the dialects of the Chuvash diaspora in the Ulyanovsk region in the following Chuvash settlements: Tsilninsky, Ulyanovsky, Melekessky, Senghileevsky, Starokulatkinsky, Baryshsky. It reveals their specificity, identifies basic phonetic variants of addresses to animals, establishes the connection of words for calling and chasing away animals with the names of realias. It is also proved that the same type of parallelism in the structure, peculiarity of functioning in the language and numerous cases of literal and approximate coincidence allow us to conclude that the addresses to animals refer to the layers of vocabulary that modern Turkic languages inherited from the protolanguage.

Ключевые слова: *междометия призыва, междометия отгона, диалекты, говоры чувашской диаспоры, слова-обращения, семантическая дифференциация, фонетические варианты.*

Keywords: *interjections of calling, interjections of chasing away, dialects, dialects of the Chuvash diaspora, addresses, semantic differentiation, phonetic variations.*

Актуальность исследуемой проблемы. Общая картина диалектов чувашского языка на всей территории его распространения на современном этапе не совсем четка, прежде всего мало изучены диалектные особенности языка чувашей, проживающих в Ульяновской области. Говоры чувашской диаспоры данного ареала имеют своеобразные особенности, отличающие их как от норм чувашского литературного языка, так и от ма-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-34-01006

теринских говоров. Это обстоятельство поставило перед чувашскими лингвистами задачу изучения местных особенностей чувашского языка, в том числе слов-обращений к животным, которые служат ценным материалом для разработки вопросов истории языка.

Материал и методика исследований. В исследовании использовались труды различных авторов (Н. И. Ашмарина [1], А. И. Германовича [2], Л. П. Сергеева [5], [6], [7], [8], Долговой А.П. [9] и др.) в области диалектологии, а также материалы, собранные в ходе научных экспедиций в чувашские населенные пункты Ульяновской области, организованных научно-исследовательской лабораторией чувашской диалектологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Для анализа фактического материала использовалась совокупность методов и приемов лингвистического исследования, базирующаяся на системном подходе к анализируемым явлениям: описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, сравнительно-исторический метод, метод сплошной выборки.

Результаты исследований и их обсуждение. Многочисленный пласт слов-обращений к домашним животным с целью призыва, отгона, понукания, отпугивания относится к императивным междометиям. Как самая многовариантная и многочисленная категория, они, на наш взгляд, возникли в языке в связи с приручением и использованием животного мира для потребностей человека. Эти междометия делятся на 2 группы: слова призыва и слова отгона. К первой группе относятся такие междометия, как *пах-пах!* (для подзыва лошади), *панеҫ-панеҫ!* (для подзыва коровы), *мукка!* (для подзыва быка), *кӑс-кӑс!* (для подзыва кошки) и т. д. Междометиями отгона являются: *хас!* (отгон коровы), *кишиа!* (отгон кур, уток, гусей), *прис!* (отгон кошки), *качча!* (отгон козы) и др. В диалектной системе чувашского языка Ульяновской области представлены обе эти группы. Они являются, как и сами диалекты и говоры в целом, одним из источников изучения истории формирования языка [8, 154].

Междометия призыва коровы и теленка можно разделить на 5 групп:

1. *Тпрӱҫси, тпрӱҫсен, тпруча, тпрҫса, тпрҫсе, тпрконь, тпркань, тпркан, тпрӱке, тпруань, тпрукань, тпруннӑ, тпруо, тпруоо, тпрҫок, тпӱрҫак, тпрось.*

Указанные слова, как видно из их структуры, образованы от корня *тпру*. А. И. Германович отмечает, что «это слово и в старшую пору языка служило для обращения к животным, может быть, служило его названием» [2, 67].

В структурном отношении данную группу слов можно разделить на следующие подгруппы:

– корень *тпру* // *-ҫси; -ҫсе; -ҫсен; -чча* (междометие *тпру* с формантами *-ҫси; -ҫсе; -ҫсен; -чча* имеет распространение в говорах верхового диалекта чувашского языка);

– корень *тпру* // *-конь; -кань; -кан;*

– корень *тпру* // *-ня; -ннӑ.*

Междометия этих подгрупп употребляются в говорах низового диалекта чувашского языка, также мы встретили их и в говоре деревни Полбино Ульяновской области.

Междометия *тпрукка, тпруҫси, тпрӱҫси* [1, XV, 109–110] являются ласкательными названиями коров, особенно в детской речи.

Слова, образованные от известного корня *тпру*, употребляются также для призыва телят. При этом характерно, что призыв телят сопровождается более ласковым, мягким произношением указанных междометий.

2. *Панеҫ-панеҫ, паниҫса, паниҫҫӑ, паниҫҫӑ-на, паниҫҫӑ, панияҫ.*

Междометия с основой *панеç // паниç* употребляются только для призыва коров, а к телятам, как показывают выявленные примеры, этот клич не применим. Ареал указанных междометий – говоры верхового диалекта чувашского языка, в том числе деревни Гремучий Ульяновской области.

В структуре названной основы можно выделить корень *пан* + аффиксальные образования *-аç, -еç, -иç*. В данном корне можно усмотреть русское *бынь, быня*, употребляющееся в говорах как междометие призыва коровы.

3. *Пáмпа, пимпа, мпа, пáньáпа, пáньба*.

Эти междометия, связанные по происхождению, на наш взгляд, с корнем *пан*, в речи жителей чувашских населенных пунктов Ульяновской области не встречаются.

4. *Теньок, теньок-на*.

Слово *теньок*, по нашему мнению, имеет связь с корнем *тына* «телка». Можно предположить здесь и русское заимствование *теленки > тенок*.

5. *На, на-на*.

В междометиях отгона коров и телят как наиболее употребительные и широко распространенные выделяются корни *хас* и *кёç*: *хас* – для отгона коров, *кёç // ксе* – телят.

Для подзыва быка в чувашском языке используются те же слова, что и для подзыва коровы. В некоторых говорах распространены междометия *мокоç, моккоç, мáкаç*, которые генетически одного корня со словами *мука* «корова» [1, VIII, 257], *муки* «корова» [1, VIII, 258], *мук, мук-мук* «корова» [1, VIII, 257]. Но в чувашских говорах Ульяновской области на современном этапе указанные слова не наблюдаются.

Для призыва кошки в чувашском языке употребляются следующие междометия:

1. *Кис-кис, кáс-кáс, кс-кс, кáç-кáç, киçá, киçá, киçá-киçá, кáтьá-кáтьá, кáчá-кáчá, кёç-кёç*. Данные слова, как утверждают исследователи, связаны с названием кошки в индоевропейских языках. В говоре деревень Чувашская Кулатка и Гремучий исследуемой области встречаются своеобразные варианты этих слов: *кчáç-кчáç, кáчáç-кáчáç*.

2. *Пёç-пёç, пáç-пáç, иç-иç, пиç-пиç, пиçук, пиçан-пиçан, пçук, пçук-пçук*. Данная группа слов образована от корня *пиç // пáç*, который распространен в других тюркских языках: др.тюрк. *пышык*; кирг. *мышык*; казах., ног. *мысык*; к.калп. *пышик, мышык, мысак, пичик*; кумык. *мишик*; азерб., туркм. *пишик*; тат. *песи*; башк. *бесей*. В каракалпакском языке для призыва кошки служит междометие *пиш-пиш*, а для отгона – *пиш-ай, пиш-хай*; в казахском языке для подзыва кошки употребляются *пиш-пиш, мыш-мыш*, а для отпуга – *пиш, брысь*. Не вызывает сомнений общность тюркских слов с чувашским *пáç* [12]. Корень *пáç* связан с древним чувашским названием кошки. Об этом говорит диалектное название кошки, встречающееся в чувашских говорах: *пáçáк // пáçáкка* «кошка».

Широко распространенным словом призыва собак в чувашских говорах Ульяновской области является *на // ма*, а также его различные фонетические варианты: *мах-мах, мох-мох, нах-нах, нях-нях, мух-мух*, которые имеют генетическую связь с названием собаки: чув. *маххи, моххо* «собака»; бурят. *нохай* «собака» [5, 173]. Для призыва щенка в чувашском языке используются слова *кис-кис, кáс-кáс*. Отгоняют собак междометиями *тох, тух* от «выходить», *пошшол, пашшул, тиол* от «пошел».

Общепотребительными словами призыва лошади являются:

1. *Пах* с многочисленными фонетическими вариантами: *пах, бах, пох, упах, бо-бо, поххи-бо, мах, мах-мах* и т. д. Чувашское слово призыва лошадей *бах // пах* надо связывать с русским *бах*, которое в некоторых русских говорах зарегистрировано в значении «старая, заморенная лошадь» [7, 168]. Данный корень восходит к более архаичному *мах*,

который в значении лошади сохранился в чувашском слове *маххан* «дрянная лошадь, кляча, конина»: *Пёр маххан пур та ман, хънана та кайма намъс, вут кÿме те туртай-масран хъран* [1, VIII, 217]. У меня есть одна кляча, ехать на ней в гости стыдно, боюсь на ней возить и дрова.

Отсюда можно заключить, что чувашское *пах* // *мах*, наряду с *лаша*, *ут*, в древности имело номинативное значение «лошадь» и на каком-то этапе развития языка началось выветривание его лексического значения «лошадь», что привело к семантической дифференциации [1]. В некоторых говорах чувашского языка реальное значение междометия *пах* не утратилось: *паххи* «лошадка» [1, IX, 143]; *пах* «лошадь» [1, IX, 143]; *пах-тиха* «жеребенок» [1, IX, 143]; *пахха* «лошадь» [1, IX, 148]. Например: *Пах-тиха илтём, ерипе, ёскё тавас, ерипе, тавансене пах-тихана, ерипе, чёнсе сÿрерём* [1]. Купил жеребенка, хочю потихонечку пирушку устроить, родных пригласил.

Междометие *пах* // *бах* употребляется также для подзыва жеребят: *бах-бах, пах-пах, пӑх, бох, па, бо-бо, ба-ба*.

2. *Тпру, тпру-ма, тпру-ме, тпрсо, тпсо, тпсу, тпрсёсех, тпрсёох*, объединяемые неизвестным по своему происхождению корнем *тпру*. Многочисленные разновидности данного корня характерны также для славянских, тюркских, финно-угорских языков. Этот корень, также как и *тпрр*, *тпр*, служит для останковки лошади. *Тпру* в различной огласовке употребляется и как детское слово для названия лошади и жеребенка: *тпрува* [1, XV, 143], *тпруви* «лошадь, жеребенок» [1, XV, 109].

В современном чувашском языке для призыва жеребят имеются и слова *кенеи*, *канеи*, *каняи*, *канюк*, которые этимологически прозрачны (русс. конь). *Кенеи* могло проникнуть в чувашский язык из русского через татарский язык, в котором оно употребляется с номинативным значением «жеребенок», «жеребенок в возрасте до одного года» [5, 91], или же непосредственно из русских говоров, в которых *коняи* является междометием призыва лошади. *Кенеи* в некоторых говорах чувашского языка употребляется и как ласкательное (детское) название жеребенка: *кенешке, кеняшкӑ* [1, VI, 188–189].

Для призыва жеребят служит также междометие *нях-нях*, образованное от слова *на*.

Для отгона лошадей и жеребят чувашаи используют общераспространенное слово *хуте* и его различные фонетические варианты: *хутя, хута, куте, кута, кути*. Происхождение этого междометия можно объяснить редукцией полнозначного слова *ху* (*хӑв*), *хутер* (*хутяр*) «гнать, отгонять, пугать» (< *ху* «гнать, прогнать» + аф. понудительного залога *-тар(-тер)*): *Лашана куте тесе хӑвалаççё* [1, VII, 49]. Лошадь отгоняют словом *куте*. В говоре деревни Байдулино Ульяновской области отмечается интересный факт употребления фонетического варианта данного слова *хоть-хоть-хоть*.

Для останковки лошади используется междометие *тпру, тӑр*.

Для призыва и отгона овец и ягнят в чувашском языке, в том числе и говорах чувашской диаспоры Ульяновской области, служат многочисленные междометия, часть из которых представляет собой вполне объяснимые слова с реальным значением. Другая часть является заимствованной из говоров русского языка. Отдельные междометные единицы, некогда имевшие реальное значение, с течением времени утратили его и в настоящий момент являются собственно междометиями.

Междометия призыва овец можно объединить в следующие группы:

1. *Пуччӑ, пуччи, пучча, пуч, пути, пыччи, пыччин, пыччӑ, пычча, пыти, пыть, пытиши, пӑти*. Эти же междометия употребляются для призыва ягнят, выступая при этом в удвоенном варианте. Корень *путь* // *пуч* генетически связан со словом *путек* «ягненок». Ср.: тат. *бэти* // *бэди* «ягненок» [4, 37].

Ял тахсанах вӑранны ӗнтӗ. Ирхи тётре витӗр шан нек пысӑк хӗрлӗ хӗвел пӑхатӗ. Кӗтӳ хӑваланӑ. Ташта анатра сес пӗри: «Пӑтьӑка-а! Пӑтьӑка-а!» – тесе путек йыхӑратӗ (Ю. Скворцов). Деревня давно проснулась. Сквозь утренний туман светит большое, как чан, солнце. Скотину в стадо погна́ли. Только в нижнем конце деревни кто-то манит ягненка: «Буди-буди».

2. *Паряш, пареш, парӑш, парас, пӑрӑс, парь*, объединяемые корнем *пар*. *Бар* – общий корень для говоров славянских языков [2, 69].

3. *Мӑшта, мӑшпӑто, пасшта*. Первые два междометия употребляются для клича овец, когда они находятся вблизи, а последнее – когда находятся на значительном расстоянии.

4. *Мӑни*.

5. *Вач*.

Последние две группы междометий стоят особняком, и объяснить их генезис сложно.

Словами отгона овец и ягнят в чувашском языке являются *тӑр, тӑрья, тӑрря, тӑри, трр, трре, тря, тӑрриях, тӑр, тӑрье, тӑр-ус, ӑр-ях, ӑрр, тр, ӗс-тӑрр, тӑр-ис*, образованные от корня *тӑр // тр* и сопровождающиеся обычно полнозначными словами, указывающими направление, куда гонят овец: *тӑр карта* – загон овец в хлев, *тӑр киле* – овец гонят с улицы во двор. Исследования показывают вероятность связи корня *тӑр // тр* со словами *ӑрйах // ӑрйаху // ӑррийах* и *утӑрйа*, которые имеют место, когда кричат на зверя [1, IV, 62]; *чапа, чапа-тр, тӑр-чапа, чӑпа* и *ӗст, ӗс-с, ӗс, ӳс, ӗс-тӑр, ӗс-трр*. Для отгона ягнят используются и *кӑчӑш, пуреш // пуряш*.

Для призыва козы употребляется междометие *кач* со всеми его разновидностями: *кач-кач, качи, качча, кеч-кеч, каччи-каччи, качук-качук, кӑчӑ, кӑч-кӑч, кич-кич, кӗс-кӗс, катя-катя, кӑтьӑ-кӑтьӑ, кӑтьӑк-кӑтьӑк, кӑти-кӑти*. *Кача* – древнечувашское название козы, до сих пор сохранившее свое лексическое значение.

Для призыва овец, ягнят, коз распространены и другие слова: *мацца, мащ-мащ, маши, мани-мани, маня-маня* [3].

Междометия, связанные с домашним птичьим миром, показывают их очевидную связь с названиями реальных животных. Часть из этих междометий встречается как в чувашском, так и в ряде тюркских [10], финно-угорских и славянских языков [11]. Такие слова, как *цып-цып, цыпа-цыпа, чип-чип, тит-тит, ти-ти, ти-тя*, используемые для призыва кур и цыплят, являются общими для русского, чувашского и некоторых других языков.

Кроме вышеназванных, для призыва кур и цыплят в чувашском языке употребляются слова *кӑть-кӑть, кӑтьӑ-кӑтьӑ, кӑт-кӑт, кӗт-кӗт, кӑтӑ-кӑтӑ, кӑтьӑр-кӑтьӑр, кӑти-кӑти, кӑтӑ-кӑтӑ, кӗтӑ-кӗтӑ, кӑтьӑ-кӑтьӑ*, образованные от корня *кӑть // кӗт*. По нашим данным, корень *кӑть* в древности, вероятно, обозначал курицу. Об этом говорит слово *кӑтьӑкка*, употребляющееся в значении курицы: *Эпӗ сӗллине кӑтьӑккине патӑм, кӑтьӑкки мана матак пачӗ* [1, VII, 204]. Я дал курице овса, курица снесла мне яйцо.

Для отгона всех домашних птиц в чувашском языке употребляется общераспространенное слово *кӑш* с фонетическими вариантами *кша, кӑшша, кшах, кушуй, ки*. Слово *кӑш* в значении «птица» употребляется во всех современных тюркских языках, за исключением чувашского и якутского. Кроме общего, *куш* имеет и конкретное значение – «сокол для охоты». В чувашском языке слово *кӑш // кӗш* отдельно не употребляется. Оно встречается в парном слове *кайӑк-кӗшӑк* «птицы» в собирательном значении.

Резюме. Таким образом, каким бы ни был взгляд на роль императивных междометий в формировании и развитии языка, невозможно отрицать их относительную древность и общетюркское происхождение многих из них. Однотипность, параллелизм в

структуре, особенности функционирования в языке и многочисленные случаи буквальных и приблизительных совпадений императивных междометий свидетельствуют о том, что они относятся к тем пластам лексики, которые современные тюркские языки унаследовали от праязыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин, Н. И.* Словарь чувашского языка / Н. И. Ашмарин. Т. I–XVII. – Чебоксары ; Казань, 1928–1950.
2. *Германович, А. И.* Междометия русского языка / А. И. Германович. – Киев : Радянська школа, 1966. – 172 с.
3. *Денисова, Т. В.* Междометия чувашского языка / Т. В. Денисова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – 103 с.
4. *Сабиров, Р. А.* Татарско-русский полный учебный словарь / Р. А. Сабиров. – Казань : Толмач, 2008. – 336 с.
5. *Сергеев, Л. П.* Диалектная система чувашского языка / Л. П. Сергеев. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. – 428 с.
6. *Сергеев, Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка / Л. П. Сергеев и др. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – 232 с.
7. *Сергеев, Л. П.* Об одной группе императивных междометий / Л. П. Сергеев // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 49. – Чебоксары, 1970. – С. 165–176.
8. *Сергеев, Л. П.* Особенности склонения местоимений в диалектной системе чувашского языка / Л. П. Сергеев, М. К. Александрова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – С. 154–158.
9. *Симбирско-саратовские чуваша* / А. П. Долгова и др. ; под ред. М. Г. Кондратьева. – Чебоксары : ЧГИГН, 2004. – 274 с.
10. *Татарская грамматика.* Т. 2. Морфология. – Казань : Татарское книжное изд-во, 1993. – 397 с.
11. *Чувашско-русский словарь* / сост. И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов и др. ; под ред. М. И. Скворцова. – М. : Русский язык, 1985. – 712 с.
12. *Щербак, А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1977. – 191 с.